

РОМАНЫ О СИЛЬНЫХ ЧУВСТВАХ

Читайте романы

Л А Й З Ы

Д Ж У Э Л Л



ТРЕТЬЯ ЖЕНА

ДОМ НА УЛИЦЕ МЕЧТЫ

ВИНС И ДЖОЙ

ХОЛОДНЫЕ СЕРДЦА

СЛОВА, ИЗ КОТОРЫХ МЫ СОТКАНЫ

ДЕНЬ, КОГДА Я ТЕБЯ НАЙДУ

И ТОГДА ОНА ИСЧЕЗЛА

ПРАВДА О МЕЛОДИ БРАУН

ЗА ВЕК ДО ВСТРЕЧИ

Л А Й З А
Д Ж У Э Л Л

За век
до встречи



Москва
2019

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Д42

Lisa Jewell
BEFORE I MET YOU

Copyright © 2012 by Lisa Jewell
This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK
and The Van Lear Agency

Перевод с английского *Владимира Гришечкина*

Художественное оформление *Петра Петрова*

Джуэлл, Лайза.
Д42 За век до встречи / Лайза Джуэлл. — Москва : Эксмо, 2019. — 576 с. — (Лайза Джуэлл. Романы о сильных чувствах).

ISBN 978-5-04-104947-8

Лондон, 1920 год.

Днем Арлетт работает в универмаге «Либерти», а ночи проводит в гламурном водовороте вечеринок, коктейлей и джаза. Но этот сумрачный мир полон опасных соблазнов, и Арлетт однажды попадает в его ловушку.

Наши дни.

Двадцатилетняя Бетти Дин отправляется в столицу. Ей не терпится начать самостоятельную жизнь, но для этого ей нужно отыскать таинственную женщину, которой ее бабушка оставила наследство. Бетти погружается в атмосферу «эпохи джаза», и прошлое постепенно переплетается с настоящим, а семейные тайны грозят разрушить будущее.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-104947-8

© Гришечкин В., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

*Эта книга посвящается
Амелии, Эви, Мие и Джой —
четырем самым прелестным девочкам,
которых я знаю.*

Тот день и вместе с ним новая глава в жизни Элизабет Дин начались в безбожную рань в Веймуте, продолжились холодом и ветреной сыростью Ла-Манша и увенчались поездкой через весь Гернси, после которой Элизабет и родителям пришлось еще долго подниматься пешком по длинному каменистому склону, в конце которого виднелся мрачный каменный дом с серыми стенами и темными окнами. Дом был большим и высоким и стоял на заросшем хвойным лесом утесе. Его фасад выходил к морю. Позади дома не было даже сада.

Увидев дом вблизи, Элизабет подумала, — но не сказала вслух, — что в нем наверняка водятся привидения и что она ни за что не согласится провести в нем больше одной ночи.

— Это моя мама, ее зовут Арлетта, — сказал отчим. — А это — Элизабет или Лиззи, как мы ее обычно зовем.

— Когда она хорошо себя ведет, — добавила Элисон, мать Элизабет.

— Да, — подтвердил Джолион. — Когда она хорошо себя ведет. А когда плохо, тогда она снова превращается в Элизабет. — Он взъерошил падчерице волосы, сжал пальцами плечо, и девочка поморщилась. Опустив голову, она разглядывала пол, выложенный искусно подогнанными одна к другой коричневыми и красными плитками, но не квадратными, а в форме неправильных звезд. О том, что рано или поздно ей придется приехать в этот дом, Элизабет узнала еще две недели назад, в самый канун Рождества,

когда раздался отравивший ей все праздники телефонный звонок. Две недели назад Элисон и ее бойфренд Джолион усадили девочку в гостиной и объяснили, что его мать, — женщина по имени Арлетта Лафолли, о существовании которой Элизабет даже не подозревала, — грохнулась с лестницы в своем доме на Богом забытом острове под названием Гернси и что-то себе сломала и что ее лечащий врач настойчиво рекомендовал, чтобы в ближайшее время с ней пожил кто-то из родственников.

Кто и за какими закрытыми дверями решил, что единственным выходом из положения будет как можно скорее отправиться на Гернси всей семьей, так и осталось неизвестным, но решение было принято, и уже в середине января Элизабет пришлось покинуть аккуратный кирпичный коттедж в пригороде Фарнема в Суррее (это был единственный дом, который она знала) и переехать на остров, чтобы прожить как минимум три месяца с совершенно незнакомой старухой. Так, во всяком случае, говорила ей мать.

— Элизабет, — сказал Джолион, — поздоровайся с Арлеттой.

Элизабет очень старалась не ежиться, но в доме с привидениями это было невероятно трудно — особенно когда мамин бойфренд крепко держит тебя за плечо и знакомит с кошмарно старой женщиной, чьи хрупкие косточки ни с того ни с сего решили испортить тебе жизнь. В конце концов она все-таки набралась храбрости и подняла взгляд на стоящую перед ней старуху, но не раньше, чем с некоторым удивлением заметила, что та обута в ярко-красные шелковые туфли, украшенные шелковыми же розами в тон. Отметила она и изящные лодыжки, обтянутые черными кружевными колготками, однако главным сюрпризом оказалась роскошная шуба из переливающегося норového меха, подол которой доставал Арлетте до середины голеней. Над плотно застегнутым воротником шубы Элизабет увидела лицо — округлое и пропорциональное, но

какое-то маленькое. На этом лице выделялись совсем не старческие розовые губы и ясные серые глаза, прикрытые подкрашенными голубоватыми тенями веками. На голове Арлетты была шапка-пирожок из такой же шоколадно-коричневой норки. В колеблющемся свете свечей тускло поблескивали небольшие бриллиантовые сережки. Во всяком случае, Элизабет решила, что это именно бриллианты: вряд ли кто-нибудь стал бы носить простые стекляшки с такой дорогой шубой.

Элизабет сглотнула.

— Здрасьте, — выдавила она пересошим горлом.

Леди в норковой шубе наклонилась так, что ее лицо оказалось вровень с лицом девочки.

— Здравствуй, Элизабет. Я много о тебе слышала.

По выражению ее лица было невозможно понять, слышала ли она много хорошего или, наоборот, плохого, однако мгновение спустя ее черты смягчились, и Арлетта улыбнулась. Элизабет робко улыбнулась в ответ и сказала:

— Мне ужасно нравятся ваши туфли, мэм.

— Я вижу, у тебя прекрасный вкус, — заметила Арлетта. — А теперь входите и грейтесь. К вашему приезду я растопила камин.

Элизабет и ее мать переглянулись. Элисон уже встречалась с Арлеттой два года назад, когда она и Джолион только начали встречаться. Тогда она отозвалась о матери бойфренда как о женщине своеобразной, язвительной и не слишком приятной. «Такую лучше не злить», — добавила она, делясь с дочерью своими впечатлениями. Ей даже не пришло в голову, что когда-нибудь им с Элизабет, возможно, придется жить с Арлеттой в одном доме. Скорее всего, она и вовсе забыла, что когда-то описывала мать сожителя именно в таких выражениях, но Элизабет не забыла ничего. Она отлично помнила слова матери и заранее вооружилась решимостью выдержать все, что может обрушиться на ее голову «своеобразная» леди, которую лучше не

злить, но пара алых шелковых туфель в один миг заставила ее позабыть о своих страхах.

Да, алые шелковые туфли... Даже на ногах пожилой леди они смотрелись чрезвычайно нарядно. В свое время Элизабет пришлось долго ходить на самые разные внешкольные танцевальные занятия и кружкí, прежде чем мать купила ей первые по-настоящему красивые туфли. Теперь у нее были и узкие лодочки из кожи телесного цвета с шелковыми завязками для балета, и туфли на массивных, прочных каблуках для фламенко и джаза, но ни одной пары из красного шелка у Элизабет не было. Несомненно, подумала она сейчас, человек, способный купить такие великолепные туфли, просто обязан быть хотя бы наполовину приличным.

И она смело прошла за Арлеттой в комнату, куда вела высокая дверь с веерным витражным окном над притолокой.

— Здесь, конечно, немного сыровато, — сказала Арлетта. — К сожалению, я не заходила в эту комнату с... в общем, довольно долгое время. А открыть окно нельзя из-за холода снаружи.

Элизабет огляделась по сторонам и обняла себя за плечи, стараясь сдержать дрожь. Комната была с высокими потолками и почти пустая; отделанные деревянными панелями стены и немногочисленные предметы мебели с прямыми гранями и острыми углами тоже не создавали ощущения уюта. И мебель, и обшивка стен были выдержаны в коричневых тонах. Единственным ярким пятном был огонь в камине, возле которого они все и уселись на обитом декоративной тканью диванчике.

Пока взрослые говорили о только что совершенном ими путешествии, о том, что грузовое такси запаздывает, о погоде и о сломанной ноге Арлетты (по коридору она шла, опираясь на изящную резную тросточку и заметно прихрамывая), Элизабет поднялась с дивана и подошла к окну. Стекла в старинных свинцовых переплетах пока-

зались ей толстыми, словно иллюминаторы в подводной лодке капитана Немо. Серые от пыли тюлевые занавески выглядели так, словно их не стирали с тех пор, как был построен этот дом. За окном, куда ни посмотри, простиралось пустое, серое море, и Элизабет, украдкой вздохнув, вернулась к огню, чувствуя, как промозглая сырость и холод комнаты пробирают ее до костей, а запах дыма и давно не использовавшейся мебели впитываются не только в ее пальто, но и в кожу.

— Мы захватили тепловентиляторы, — сказал Джолион, потирая озябшие руки. — Когда грузовое такси наконец придет, мы сразу включим их на полную мощность. — Его голос звучал почти весело, словно он хотел подбодрить Элизабет и ее мать, но им обеим было совершенно ясно, что два дешевых тепловентилятора вряд ли сумеют справиться с холодом и сыростью, давно ставшими хозяевами в доме, где было слишком много необитаемых комнат.

— А потом, — добавил Джолион с мужеством отчаяния, — я взгляну, что там с отоплением.

Арлетта бросила на сына взгляд, который показался Элизабет откровенно пренебрежительным.

— В этом нет необходимости, — заметила она. — В ближайшие несколько недель погода улучшится и станет не такой холодной: в конце концов, не зря же мимо Гернси протекает Гольфстрим. А отопление... Пока ты разберешься, что с ним не так, пока найдешь человека, который согласится прийти и починить его, причем за такую сумму, от которой у тебя глаза на лоб полезут, настанет лето и в доме снова станет тепло. Ну а пока можно топить камины, они есть почти в каждой комнате. Главное, одеваться как следует, держаться двух-трех комнат и, конечно, не забывать про напитки. Нужно согреть себя не только снаружи, но и изнутри.

Тебе хорошо говорить, подумала Элизабет, с завистью поглядев на роскошную шубу и меховую шапку Арлетты.

Наверное, медведю на Северном полюсе холоднее, чем тебе.

Элизабет разместили в комнате на втором этаже, оклеенной выгоревшими обоями в зеленую и голубую вертикальную полоску («Ни дать ни взять — старая мужская пижама», — подумала она.). Три небольших окна в свинцовых переплетах выходили на море. Здесь было еще холоднее, чем внизу, и когда девочка выдыхала, пар клубился у нее перед самым лицом подобно бесплотному духу.

Ее кровать стояла у дальней от окон стены. Она была сделана из какого-то очень тяжелого, облицованного темным шпоном дерева и застелена не слишком дорогим на вид пуховым одеялом в голубом пододеяльнике. Поверх двух тонких как галеты подушек сидел облезлый кролик, связанный из голубой шерсти. Вид у него был такой, словно его бросили здесь умирать. Глядя на эту кровать, Элизабет невольно вспомнила, на чем она спала дома. В Фарнеме у нее была полуторная металлическая кровать, выкрашенная в белый цвет (порошковая покраска!), с завитушками и шишечками, отлитыми из прозрачного перспекса¹. Элисон купила ей эту кровать на десятилетие: «Ведь ты стала больше почти в полтора раза!» Полуторным было и одеяло, заправленное в белоснежный, расшитый розовыми бутонами пододеяльник, а наволочка на подушке была отделана кружевами. Каждое утро, прежде чем отправиться в школу, Элизабет рассаживала на этой подушке всех своих игрушечных медвежат. Перед отъездом она попросила маму захватить с собой и кровать, если она, конечно, поместится в кузов грузового такси, но Элисон виновато улыбнулась и сказала:

— Прости, дорогая, но кровать придется оставить. Но не волнуйся, она никуда не денется. Когда мы вернемся, она будет на прежнем месте, и ты снова сможешь в ней спать. Не думаю, что за три месяца ты ее перерастешь.

¹ Перспекс — один из видов органического стекла. (Здесь и далее — прим. переводчика.)

И Элизабет пришлось смириться.

Поставив на пол свой рюкзачок, девочка с трудом растегнула окоченевшими пальцами пряжку и нащупала внутри своего любимого медвежонка. Потянув игрушку за уши, Элизабет вытащила ее из недр рюкзака, в который она перед отъездом уложила книги, блокноты и игры, надеясь скрасить с их помощью скуку утомительного восьмичасового пути. Уткнувшись лицом в мягкий коричневый плюш, Элизабет вдохнула исходящий от медвежонка сухой, сладковатый запах оставшегося где-то за тридевять земель дома и почувствовала, как у нее заныло сердце. Не отрывая лица от медвежьего живота, она оглядела холодную, по-спартански скучную обстановку комнаты, бросила взгляд на бесконечную, серую, как застывший бетон, равнину моря за окном, а потом решительно подошла к кровати, схватила уродливого вязаного кролика, открыла форточку и зашвырнула его как можно дальше в холодную, блеклую пустоту.

- 2 -

Только в середине февраля, — спустя почти пять недель после переезда и через десять дней после того, как было восстановлено отопление, — между Элизабет и Арлеттой состоялся первый по-настоящему содержательный разговор. Они столкнулись в прихожей, когда Элизабет махала на прощание рукой своей новой лучшей подруге Белле и ее матери, которые привезли ее в особняк на утесе после чаепития в своем доме в Сент-Питерс-Порте. Элизабет все еще улыбалась, когда, обернувшись, увидела Арлетту, которая стояла на нижней ступеньке лестницы, опираясь на трость. На сей раз, правда, она была не в шубе, а строгом черном платье с плиссированной юбкой, белым муслиновым воротничком и укороченными рукавами. Благодаря изящным лодыжкам и тонкой талии, Арлетта выглядела

так, словно сошла со страницы модного журнала за пятьдесят пятый или даже пятидесятый год.

Спустившись с последней ступеньки с помощью трости, с которой она теперь не расставалась, Арлетта внимательно посмотрела на Элизабет.

— Кто это был? — спросила она.

Элизабет ответила не сразу. Ей хотелось убедиться, что адресованный ей вопрос не содержит никакого подвоха.

— Белла, — сказала она наконец.

— Белла?.. — переспросила Арлетта, слегка приподняв подведенную бровь. — Кто такая Белла?

— Моя лучшая подруга.

— Вот как? — Лицо пожилой леди слегка прояснилось. — У тебя есть лучшая подруга? *Уже?*

Элизабет с гордостью кивнула.

— Что ж, — заметила Арлетта, — в таком случае я могу за тебя не беспокоиться. Ты не пропадешь. Идем, — добавила она, снова поворачиваясь к лестнице. — Я только что приготовила какао, и мне хотелось бы выпить его вместе с тобой.

— О'кей, — приветливо сказала Элизабет и последовала за Арлеттой, которая медленно поднималась по ступенькам. На первом же лестничном пролете пожилая леди остановилась, чтобы перевести дух.

— Знаешь, — сказала она, — когда-то я ходила в ту же школу, что и ты сейчас. Кстати, совсем забыла — как она теперь называется?

— Школа Лурдской Богоматери.

— Ах да, верно!.. Не знаю только, при чем тут Лурдская Божья Матерь, но... Когда я там училась, она называлась Школой Святой Анны и состояла из одной-единственной комнаты, в которой помещались все ученики от четырех-леток до одиннадцатилетних. — Она мягко улыбнулась и снова двинулась вверх по лестнице. — Знаешь, сколько

мне лет? — спросила Арлетта, снова останавливаясь на середине лестничного марша.

Элизабет кивнула.

— Знаю. Вам восемьдесят четыре.

Арлетта слегка нахмурилась.

— Кто тебе сказал?

— Джолион?.. — шепотом отозвалась Элизабет. Она не была уверена, что это — правильный ответ.

— Гм-м... — Арлетта наморщила нос и продолжила подниматься по ступенькам.

— А вам действительно восемьдесят четыре? — решилась спросить Элизабет, когда они медленно шли по коридору верхнего этажа.

— Да, — коротко ответила Арлетта, остановившись, но не обернувшись. — Да, мне уже восемьдесят четыре. Откровенно говоря, мне бы хотелось, чтобы ты думала, будто я несколько моложе, ну да ладно...

С этими словами она толкнула дверь своей комнаты и придержала за ручку, пропуская Элизабет вперед.

— Входи же, дорогая, — произнесла она с ноткой нетерпения в голосе.

Через порог Элизабет шагнула со странным чувством. До этого момента она была уверена, что никогда, никогда не попадет в эту комнату, а если и попадет, то когда-нибудь в будущем, скажем, после того, как Арлетта умрет от старости. Но что-то вдруг произошло — и вот она стоит, трепеща, на пороге таинственного нового мира.

И этот новый мир ни капли ее не разочаровал.

Комната Арлетты оказалась самой красивой из всех, в которых ей приходилось бывать.

В затейливой медной жаровне багрово светились и потрескивали угли. Резной камин в готическом стиле был снабжен боковыми скамьями, обтянутыми темно-красным бархатом. На каминной полке — на бежевой салфетке, кружевная кайма которой свисала красивыми фестонами, — стояли многочисленные фотографии в серебряных